

И. Щербаков

Через годы –
через расстояния

На камятыб!

Земляку - Фронову - Василию
Леонтьевичу Карлику и его
Супруга - Мене от автора
Фроновика майора Советской
Армии Гурбакова Ивана
Александровича.

28 августа 2006 года.

Отцу моему и его друзьям -
Красным партизанам
войны Гражданской -
посвящается

ОБ АВТОРЕ

Родился я в 1921 году на Алтае, в поселке Платовка, в большой крестьянской семье. До войны учился в железнодорожной среднетехнической транспортной школе. В 1941 году добровольно ушел на фронт. Войну начал рядовым солдатом в Лыжном батальоне. Участвовал в боях на Карельском и втором Белорусском фронтах. Войну закончил в чине капитана. Награжден орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны 1 и 2 степени и многими боевыми медалями. Демобилизовался по состоянию здоровья (ранение и тяжелая контузия). Инвалид Великой Отечественной войны. После демобилизации в 1949 году закончил гуманитарный вуз, работал в народном хозяйстве на различных должностях, а также редактором районной газеты, начальником управления охотничье-промыслового хозяйства Томского облисполкома. Литературную работу начал в 60-е годы 20 столетия. Многие мои рассказы и новеллы звучали по радио, были изданы в периодической печати. Настоящая книга является сборником моих рассказов и новелл, которые, я надеюсь, заинтересуют читателей.

Иван Андреевич Щербаков

ТАЛЬЯНКА

У моего отца две гармоники. Одна – двухрядная, с черным мехом, блестит лакировкой – новая гармоника. С ней отец бывает на свадьбах, крестинах, именинах. Всюду он желанный гость. Растянет меха и польются песни, а если рванет сибирскую – ноги сами так и просятся на круг. Но не об этой гармонике пойдет речь. Есть у отца и другая гармоника – однорядная, или, как ее называют в народе, ТАЛЬЯНКА. Обшарпанный корпус, латаные - перелатаные меха, одним словом, с виду не гармоника, а одно название. Но вот певучесть свою тальянка не утратила. Уж очень голосиста. Есть на гармонике одна примета: пластинка костяная, привинченная к корпусу шурупам, ржавыми от давности. На пластинке выжжены буквы, их с трудом можно прочесть, да и то не все. Получается: “ За р... п... г”.

Не раз я пытался узнать у отца, откуда у него Тальянка? Почему он ее так бережет? Мне казалось, она не стоила и гроша. Но в ответ отец только покачивал головой и неизменно отвечал: “ Подрастешь, сынку, узнаешь”.

Вырос я. Прошел, как говорят, огни и воды, забыл про тальянку и, пожалуй, не вспомнил бы о ней, если бы не один случай. Вернулся я с фронта и привез в подарок отцу весь в перламутре заморской работы аккордеон. Отец поставил тот аккордеон в горнице, как бы всем на показ: “ Смотрите, мол, какой добрый подарок привез мне сын “ и к аккордеону не притрагивался.

В день моего возвращения в гости к нам пришел старый друг отца, Егор Сидорович Лукьяненко. После крепких объятий со мной он вдруг обратился к отцу и говорит:

- Андрюха, ну-ка достань свою певунью и сыграй нашинскую.

Отец как будто только и ждал этого. Он быстро открыл

сундук и тут я опять увидел старую тальянку. Мне даже немного стало обидно. То ли дело аккордеон! Говорю отцу:

- Батя, оставь ты ее в покое, брось. Возьми аккордеон.

Но отец странно посмотрел на меня и вдруг спросил:

- Ты вот, сынку, ордена свои кинешь?

Я уставился на него и думаю: “При чем тут ордена?”.

Видя мое замешательство, отец произнес:

- Вот, то-то. Садись и слушай.

Так в день моего возвращения с фронта я, наконец, узнал историю старой отцовской гармоники.

Было это в девятнадцатом. Не от хорошей жизни подался мой отец со своим другом Максимом Лукьяненко да с братом моей матери Петром Брындиным партизанить “за землю, за волю, за счастливую долю”. В отряде держались всегда вместе, за что их и прозвали в шутку “Святой Троицей”. И вот вызывают как-то троицу в штаб, да притом еще срочно. Партизаны даже немного растерялись, но на вызов поспешили. В отряде царила строгая дисциплина.

В большом крестовом доме, где помещался штаб, за столом сидели командир отряда Отпетов – шушленский сероглазый блондин- и грузный, без левой руки, бородатый Христофорыч – помощник командира. Партизаны остановились посреди горницы. Начал командир.

- Вызвал я вас, товарищи, вот зачем. Есть у меня к вам важное дело, очень важное, - подчеркнул Отпетов. Здесь командир достал из-под стола кожаный мешочек и аккуратно стал высыпать его содержимое. Партизаны увидели золотые монеты царской чеканки. Монет было так много, что троица неотрываясь смотрела на это богатство.

- Видите? – спросил Отпетов.

- Видим. – ответили друзья.

- Так вот это, - командир указал рукой на кучу монет, - надо доставить в одно место в целостности-сохранности, а главное

- в срок.

И тут он неожиданно добавил :

- Так что вы повезете оружие для пятого Степного полка.

Андрей и Максим, необдуманно, переглянулись, пожав плечами. Какое оружие, когда в отряде половина партизан с дробовиками? Петр сжал губы и заворуженно смотрел на стол. Заметив недоумение партизан, Отпетов пояснил:

- Деньги, ребяташки, сила, да еще какая!

Андрей не утерпел и тут же заметил:

- Это что, опять к старинке?

- Почему же?- спросил Отпетов.

- Я в Питере слыхивал, будто Советская власть не признает деньги. А тут – вона.

Отпетов вначале озорно улыбнулся. А потом серьезно сказал:

- Деньги при Советской власти будут иметь силу, и долго. Они помогут людям строить новую жизнь. А то, что ты сказал, Андрюха, брехня. Это я тебе от чистого сердца говорю.

Петр дернул Андрея за рукав и на ухо ему шепнул:

- Хватай! Я тебе сколько толковал, а ты все ладишь против денег, Андрей сердито отстранился от Петра.

Снова заговорил командир:

- Сегодня суббота, деньги доставить в Ярки ко вторнику, передать Громову. Там их ждут. Дорога дальняя, никуда не заезжать, на пути полно беляков. Так что будьте пооглядестей. Держитесь друг друга. Старшим будет Максим. Выезжать в ночь. В Ярках встреча в кузнице. Сейчас собирайтесь в дорогу. Да, не забудьте прихватить ручник. Пригодится. Если кто спросит- в разведку, мол. Деньги получите у Христофорыча, он проводит вас до хуторов. – На прощанье командир крепко пожал партизанам руки.

- Небо над степью безоблачное, бледно-голубое. Из-за горизонта выкатилось красное, непомерно большое солнце.

Вдали, у Космолинского бора курятся тучки. Они стремительно надвигаются на степь и кажется вот – вот накроют ее. Но вдруг над степью тучки встретили невидимое препятствие. Облака тревожно засуетились и начали дробиться, рассыпаться, только равные клочья еще продолжали свой бег в неведомую даль.

Три всадника маячат среди ковыля. Они стороной объезжают Волостное село Ключи, где сквозь утреннюю дымку виднеется белый купол деревянной церквушки.

Слышен размеренный звон колокола, зовущий прихожан. Места партизанам знакомые. Волостное село всего в двенадцати верстах от родных хат. Так что рукой подать. Страсть заглянуть в родной дом сейчас терзала каждого из них. Но боевое задание и приказ командира не позволяли партизанам навестить близких. Не останавливаясь, они продолжали путь.

Впереди сухопарный, с гусарскими усиками на смуглом лице Андрей Щерба. На нем солдатская фуражка, длинная потрепанная кавалерийская шинель, полы которой, словно попона, шлепают о бока лошади. Даже в седле Андрей выглядит высоким, и от этого рослый буланый мерин кажется маленьким. Андрей настороже. Его черные глаза с монгольским прищуром пристально буравят ковыльную степь.

Следом на пегом жеребце – Максим Лукьяненко. Он невысок. Ладную фигуру плотно стягивает выцветшая солдатская гимнастерка. Третий всадник скуласт, бронзовое с орлиным носом лицо. Ватная кавалерийская венгерка расстегнута. Петр держится позади Максима, норовистая гнедая кобылица измотала его вконец. Лицо Петра мокрое, в пыльных потеках.

Максим часто дотрагивается до торбы седла, проверяет, цел ли там мешочек с монетами.

Вторые сутки партизаны не слезят с коней. Голодные

лошади на ходу хватают траву и плохо слушаются. Петр Брындин осунулся, потемнел. Он уже дважды просил Максима остановиться, вздремнуть хоть часок. Но Максим отмалчивался, хотя у самого время от времени глаза слипались от усталости. Не лучше выглядел и Андрей, у которого от постоянного напряжения слезились глаза.

К полудню на горизонте показалось еще село. Но Максим словно его не замечает, он твердо помнит наказ командира не заезжать в села. И все-таки усталость брала свое. Максим замечает в ложбине неубранное длинное и широкое поле конопли. Высокая темно-зеленая стена конопли приветливо колышется. Максим направляет туда своего жеребца, и вскоре партизаны блаженно растянулись в центре поля. Лошадей держали в поводу подле себя.

Ветер утих – небо было теперь всюду чистым. Солнце припекало. Нагретый воздух медленно струился. И от этого, казалось, все трепетало. Трепетали ковыль, конопля и даже небо. Брындин и Максим спали, не спал только Щерба. Время от времени Андрей вставал и просматривал округу. Он тревожился, белогвардейские разъезды и разношерстные банды здесь не редкость. Вчера под Северкой трое верхами увязались следом и долго не отставали. И лишь после того, как Андрей на скаку дважды ударил из трехлинейки и подбил под одним лошадь, отстали. Сейчас в степи тихо, только редкий перезвон кузнечиков да слабые волны ветра, сонно колышущие коноплю, изредка нарушают эту тишину.

Андрей лег на спину и широко раскинул затекшие ноги. Вспомнилось, как мальчишкой, разметав в стороны руки и подняв голову, кружился до тех пор, пока небо не валило его на бок. Приникнув к земле, он ждал, пока небо снова станет самим собой, чтобы можно было долго-долго лежать и мечтать...

Выстрел грянул где-то поблизости. Настороженным людям

он показался пушечным. Партизаны схватились за оружие и вскочили на ноги. Благо высокая конопля хорошо укрывала их привал. Для того, чтобы хорошенько осмотреться, невысокому Максиму пришлось даже привстать на носки. На краю поля спешился отряд беляков. Возле двух тачанок сбилось до полусотни лошадей. Подле них стояли несколько белогвардейцев и дымили папиросами. Остальных же карателей было не видно.

- Хлопцы, - шепотом позвал Максим, - Анненковцы.

Партизан опознал их по нашивкам на рукавах. Скрещенные кости и череп отличали белогвардейскую гвардию. Это они учинили жестокую расправу, потопив в крови Чернодольское восстание, прошли рейдом и перепороли шомполами население сел Славгородского уезда. Вот и теперь они кружат, как вороны, и выискивают очередную жертву.

В конце конопляного поля раздались женские крики. Затем послышалась отборная мужская брань. И опять все стихло.

- Насильничают, - сквозь зубы процедил Андрей.

Петр расстегнул кобуру нагана.

- Максим, сыпани по гадам из пулемета, - попросил он тихо.

- Ты что спятил? Уходить будем. Приготовьтесь! – Максим быстро поправил седло на спине жеребчика, ремень тяжелого пулемета закинул на шею. И тут же резко дернул повод. Жеребец вскочил на ноги. Максим стремглав метнулся в седло. Андрей и Петр последовали его примеру. Кони с места во опор ринулись в степь. Загудела земля под копытами лошадей и только спустя время беляки спохватились и вслед партизанам захлопали запоздалые, разрозненные винтовочные выстрелы. Буланый Андрея вырвался вперед.

- На Васильчуки! – крикнул ему вдогонку Максим. Щерба обернулся и пришел в ужас: конь товарища шел тяжелым наметом, заметно припадая на передние ноги. Андрей натянул

повод и попридержал буланка.

- Что с ним?

- На, держи! – вместо ответа прокричал Максим. В левой руке товарища Андрей увидел мешочек с деньгами.

- Ты спятил? – вспыхнул Андрей, - я тебя не оставлю!

- Держи! Или не видишь! – прохрипел Максим.

Как было не увидеть: верстах в двух позади курилось большое облако пыли. Погоня. Неприятный холодок пробежал по спине. Андрей на ходу поймал мешочек с деньгами и сунул его в торбу своего седла. В этот момент жеребец Лукьяненко обошел буланка. Подбадривая друга, Андрей вслед прокричал.

- Максим, дружише, он еще тянет, тяни, тяни! До села!

Андрей скакал теперь позади. Несколько раз он оборачивался, вскидывал винтовку, и тогда горячий воздух разрывали звонкие, хлесткие звуки выстрелов. А позади, в пыльном скопе о землю грохались кони.

Петр затерялся где-то далеко впереди.

Вот уже и околица большого алтайского села. Всадники влетели в улицу. Проскакали площадь, свернули в первый попавшийся переулок. И тут раненный жеребец Максима повалился на землю. Максим едва успел высвободить стремя, конь несколько раз ударил ногами воздух и затих. Андрей осек буланого и закружился вокруг Максима.

- Садись быстрее, беляки в селе!

- Нет! Оба пропадем! Скачи! Я их задержу! – Максим перекинул пулемет на руки и прыгнул в придорожную канаву. Конь Андрея поднялся на дыбки. Максим страшно закричал.

- Скачи! Убьют! – Андрей зло ударил шпорами и через несколько минут буланый вынес его за село. В версте от околицы он нагнал Петра. Кобылица Брындина вся в мыле, тяжело водила боками. Брындин устало горбился в седле. Андрей подъехал к нему, замахнулся было плетью, но потом, очевидно, раздумал, брезгливо опустил ее. Тот виновато

опустил голову. Молча нарысаях они стали уходить в степь.

Когда в переулке появились анненковцы, Максим допустил их на сотню шагов и ударил из пулемета. Четверо сразу же сползли с коней. Остальные повернули лошадей и скрылись за домами. Оттуда беляки зачастили из винтовок по партизану. Максим огрызался короткими очередями. Каратели спешили и начали обходить с двух сторон. Но у Максима была выгодная позиция, и он подстрелил еще одного белогвардейца. Атаманцы опять отошли за дома. И тут у Максима отказал кольт. Партизан вынул из кармана пятизарядный “бульдог”, сунул его за пазуху и начал торопливо разбирать пулемет. “Только бы успеть исправить», - думал партизан. Пять беляков его не очень пугали. От них он еще мог отбиться. Но что если привалит весь отряд?...

Как бы в подтверждение этому на главной улице села раздались выстрелы, гики, свист. Весь отряд с шумом ворвался в деревню. Максим не раздумывая бросил в густые заросли лебеды уже не- нужный ему кольт, перемахнул через чью-то ограду, перебежал двор, выскочил на огород и пошел по нему скачками. Отбежал порядочно и, не обнаружив погони, свернул к небольшой хатке, заскочил в сени, замер. В переулке тихо. Только там, на центральной улице шла пальба. Каратели неистовали, они давали о себе знать и без того запуганным селянам. Максим потянул за скобу дверь. Заперта. Осторожно постучал. Испуганный женский голос из-за двери спросил:

- Ой, лишенько. Кто тут?

- Не бойтесь, откройте.

Щелкнул откинутый крючок. Максим разглядел высокую худую женщину. Волосы растрепаны. Большие черные глаза на продолговатом лице блестят настороженно. От рук и одежды несет самогонным перегаром.

- Тебе чего? – одеревенелым голосом спросила она. Смотрит враждебно. От этого тона и взгляда у Максима

захолонуло в груди. “Неужели выдаст? Нет, не может быть”, - успокоил он себя. Уж больно хата бедна. Кроме двух лавок, грубого стола да большой русской печи в избе – шаром покати.

- Спрячь меня. За мной гонятся.

Но в ответ хозяйка молча повернулась и устало пошла к окну, опустилась на лавку и только тогда холодно переспросила:

- Спрятать, говоришь?

- Христом богом прошу. Я только дотемна, а там подамся.

В это время возле избы раздался цокот копыт и кто-то гортанным голосом крикнул:

- Хлопцы! Стой! Шинкарка здесь живет. Зайдем!

Максим метнулся к печи, не мешкая залез на загнет и во весь рост втиснулся в дымоход. Руки сжаты до боли. Ноги кое-как уместились в проемах зольников.

- Принимай гостей, Домна!

“Никак, знакомая карателей”, - подумал Максим. Он уже приготовился к худшему, как вдруг в комнате раздался стук перевернутой лавки.

- Убийцы! Убийцы! Погибели на вас нету-у! Где мой сын?!

Максим услышал как повалилась на пол женщина.

- Припадочная. – Зло пояснил гортанный голос. – Задрать ей юбку, - приказал тот же голос, - всыпать горячих. Мелентьев! Обыскать!

У Максима сперло дыхание. Где-то возле самых ног раздался звон заслонки. Взметнулось облачко зольной пыли. Нестерпимо защекотало в носу. Из глаз побежали слезы, но Максим крепился. Он боялся за свои ноги. Только бы не увидел их. И тут он вдруг слышит:

- Ваше благородие, в печи пусто. – От нервного напряжения Максиму стало дурно, в глазах потемнело. Он чуть было не рухнул вниз. Но собрав силы, поборол минутную слабость, устоял.

Однако только партизан начал приходить в себя, как тут же услышал: другой гнусавый голос тревожно докладывал.

- Ваше благородие, вот у заплота – револьвер! – Максим вздрогнул, в груди ощутил пустоту. Липкая холодная испарина обволокла все тело.

- Вот ты чем занимаешься, стерва! – заорал офицер.

- Чей! Где он? Отвечай? – Рассекая воздух, взвизгнула плеть. Женщина застонала. От досады Максим до боли сжал кулаки. Как он мог потерять револьвер?

- Перевернуть тормашками! Найти! – Рычал взбешенный каратель.

У ног Максима вновь стало светло. Заслонка со звоном полетела на пол.

- Мелентьев, ты, что там...? – Рыкнул начальствующий голос.

- Ваше благо-ро-дие, - испуганно, но членораздельно прошипел Мелентьев, - туточки об-ут-ки.

Все, ждать больше нечего. Максим с силой даванул на переднюю стенку печи. Кирпич-сырец не выдержал, и стенка с грохотом упала на пол. Изба наполнилась пылью, сажей. Часть карателей с перепугу кинулась на улицу, но офицер и несколько анненковцев остервенело набросилось на Лукьяненко. Максим кирпичом сбил с ног верзилу-бородоча, ударом кулака в лицо свалил офицера, но тут же и сам упал оглушенный чем-то тяжелым. На Максима навалились. Били злобно.

Немилосердно палило солнце. Казалось, что оно специально висит так высоко, почти над головой, и жжет, жжет. Горели скрученные веревкой руки, горело все внутри, хотелось пить. Глаза Максима затекли, он плохо видел. Как в тумане, колыхалась толпа селян. Вокруг каратели с винтовками наперевес.

- Кто знает этого краснопузого? – допытывался у крестьян

офицер. Верхняя губа беляка - синяя и толстая – след схватки с Максимом.

-Та-к, молчите. Заодно с ним, - еле сдерживая гнев, бубнил офицер. – Ну, что ж, тогда тащите сюда эту сучью мать! – вдруг рывкнул он. К ногам карателя волоком подтащили хозяйку избы.

- Так ты скажешь, кого ты прятала в печи?! – Играя револьвером Максима, зловеще заорал на женщину анненковец. Пнул сапогом свою жертву и опять:

- Откуда эта штучка у тебя во дворе?!

Максим не выдержал. Оттолкнув от себя конвоиров, резко повернулся к офицеру:

- Ты, ублюдок, оставишь ее! Револьвер мой! Мой! Слышал, гадюка? Мой! Горше, что я потерял его, а то б ты у меня уже в аду был!

На минуту внутри полегчало. Максим весь напрягся, пытается высвободить руки. Но тщетно. Веревка только глубже врезалась в тело. Руки стали синими, одеревенели.

Крестьяне загудели, как пчелы. Офицер, словно ужаленный, забежал за спину Максима и вскинул «бульдог». Люди замерли. Но офицер помедлил и опустил револьвер. Толпа крестьян облегченно вздохнула. Однако не успел улетучиться вздох облегчения, как анненковец опять вскинул руку, и жаркую тишину стеганул револьверный выстрел. Максим чуть покачнулся. В глазах все стало красным. Затылок словно кто ошпарил кипятком. Максим подался вперед, широко расставляя ноги, пошел, потом стал медленно оседать на землю.

Дед Емельян сразу узнал Максима Лукьяненко, хотя лицо Максима и было заплывшим от побоев. Максим до войны в дни помолы часто помогал деду носить тяжелые мешки с зерном на мельнице богача Серпикова. Внучка Емельяна,

Варька, веселая толстушка, постоянная спутница деда во всех поездках, при виде Максима всегда перекидывала свою косу наперед и на шутки его отвечала ласково сияющей улыбкой. Емельяна не проведешь, он все понимал. Если бы не германская, быть бы свадьбе. Но тут война, а потом переворот, и пошло все кувырком...

Дед встал, направился к двери, теперь можно снова пойти на площадь: “Хоронить убиенных кому-то ж надо.” Чутьочку сутулясь и припадая на левую ногу, поплелся старик к месту расправы. Ни одной живой души вокруг. Первой Емельян увидел Домну. Женщина лежала вверх лицом с закрытыми глазами и загрубевшими пальцами сжимала в ладонях сухую землю. Ту самую землю, на которой она родилась. На разрубленной шее Домны кровь спеклась черной коркой.

- Несчастливая Домна, - прошептал дед, - не повезло тебе. Намедни твоего Степку, а теперь вот и самую. Дед Емельян вспомнил, как высокий, белокурый Степан Блинков охотно рассказывал селянам о революции в Питере, о Ленине. Ночью нагрянули беляки и увели солдата. Через день нашел Степана зарубленного, в бору, когда ездил за хворостом. Разгреб топором песок, похоронил. Матери говорить не стал.

По преданию, мертвецам следует закрывать глаза, иначе в селе еще быть беде. Емельян подошел к мертвой и осторожно сомкнул ей веки. Затем он отыскал место, “где давеча лежал Максим.” Пригляделся, но ничего не обнаружил. Хотел было вернуться, как вдруг у церковной сторожки, рядом с поленицей, заметил лежащего человека. Поспешил туда...

У Корнилова, верстах в пяти от Ярков, загнанный буланый лег и больше не хотел вставать. Тяжело пришлось бедняге: три десятка верст он вез двоих. Кобылица Брындина отказала раньше. Андрей шашкой отрезал от седла торбу, где лежал мешочек с деньгами, зажал торбу под мышкой, взглянув

последний раз на своего коня, и устало побрел к лесу. Конь поднял голову и жалобно заржал. Андрей замедлил шаг, обернулся, комок подкатился к горлу. Но он туту же поборол чувство жалости и заторопился.

Солнце закатилось. Стало похолоднее. Небо подернулось густой синью. Только на западе оно было еще бледно-оранжевым. Андрей зябко поежился, ему почему-то стало холодно. Брындин плелся сзади, налегке.

С тех пор, как они остались вдвоем, годки не разговаривали. Андрей не мог простить Петру малодушия. Петр понимал, почему молчит Андрей, и от этого накаtywалась бессильная злоба. Он вспомнил, как под Минском, в пятнадцатом, вытащил оглушенного Щербу из-под огня немцев. “Лучше бы я тогда...”, - подумал Брындин. – А теперь, еще чего доброго, неблагодарный под арест подведет. Ишь надулся, идейный. Нет, надо что-то придумать, придумать. – И Брындин ломал голову над тем, как уладить, чтобы никто не узнал о случившемся. «Свидетель только он – Андрей», - размышлял Петр, и от такой мысли у Брындина перехватило дыхание. Но тут вдруг Петр вспомнил свою сестру Феню, тихую, ласковую. Петр знал, что Феня души не чаяла в Андрее. Андрей и Феня часто до зари просиживали на лавочке у дома Брындиных. Старик Брындин считал Андрея уже своим и, когда годки отпраивлялись в партизаны, строго настрого наказывал им держаться вместе и беречь друг друга.

Петр на миг заколебался... Однако злость и обида продолжали терзать его и он сейчас же отогнал жалость: “Свет клином на Андрее не сошелся, найдет себе Фенька другого молодца...” Рука Петра потянулась к поясу, но тут ветерок донес разноголосый рев коров, бляение овец. Неподалеку была деревня. Брындин одернул руку, поправил пояс и стал догонять Андрея.

В сумерках на окраине Ярков они остановились. Стояли

порознь, не разговаривали. Андрей долго прислушивался. Село не спало. Мычал скот, перекликались женщины. Идти сразу в село, пожалуй, не стоит, решил Андрей, сделать это лучше попозже, когда все утихнет. Разыскать место встречи теперь нетрудно: село небольшое. У Андрея внезапно закружилась голова. Он привалился к дереву, потер виски, но лучше не стало. Тело наливалось неприятной тошнотворной тяжестью.

Андрей опустил на землю у подножия сосны. Сильно запахло корой и серой. Сосна убаюкивающе шумела кроной. Подошел Брындин.

- Что с тобой?

- Чепуха, скоро пройдет. – Андрей попытался было встать, но не смог: руки и ноги были словно чужие, не слушались. Брындин наклонился, бесцеремонно высвободил из рук Андрея торбу с деньгами.

- Ты это зачем?

- Лежи, я скоро вернусь, - успокоил его Петр.

Андрей впал в забытие. Но через несколько минут он открыл глаза и даже приподнялся. Какая-то внутренняя тревога пересилила слабость. То, что он увидел, привело его в неопишемую ярость. В десяти шагах от него на коленях стоял Петр, вытаскивал монеты из мешочка и рассовывал их по своим карманам.

Андрей с трудом стащил со спины карабин и передернул затвор. Услышав клацанье затвора, Петр выхватил из кобуры наган и по кошачьи прыгнул в сторону, в мгновение обернулся к Андрею и вскинул револьвер.

- Брось дурить! Убери игрушку! – зло сказал Андрей. – Поговорим потом. А сейчас сложи деньги и ступай искать кузню. Слышишь?!

Брындин неожиданно выстрелил. Пуля обожгла щеку Андрея.

- Что ты делаешь?! Опомнись, Петро!

Вторая пуля Брындина впиалась в сосну, трухлявая кора посыпалась на голову мелкой пылью. Ответный выстрел опрокинул Брындина на спину. Андрей выронил карабин и от непоправимого бессильно заплакал...

Андрей пришел в себя, огляделся. Лежал он в постели. Рванулся, сполз с кровати, но тут же стал снова терять сознание и распластался на полу. Долго партизан метался в жарком бреду. А когда наступило просветление, первое, что он увидел – запотевшие стекла и бабку в черном платке. Некрупная, сухонькая, лицо смуглое в крупных морщинах. Старушка сидела рядом и вязала чулок. Подняв глаза, она радостно вскрикнула.

- Батюшки, выжил! Лежи, сынок, лежи, не вставай. Лекарь не велел. У тебя хворь с жаром.

Она проворно засутилась у ведра с водой, смачивая полотенце. Продолжала говорить:

- А чтобы супостаты нас не тронули, наши на воротах белой глиной намудевали – холера.

Андрей, не вдаваясь особо в смысл сказанного бабкой, обеспокоенно спросил.

- Бабуся, где я? – потом вдруг вспомнил, приподнялся и тревожно заговорил. – Деньги, деньги где? И Пет... - последнее не договорил. Перед глазами внезапно встал опрокидывающийся навзничь Петр, и спазмы сжали горло.

- Деньги-то? Деньги-то у хозяина. Тодысь на стрельбу они пошли, тебя нашли, а другого там же схоронили, – скорговоркой откликнулась бабка.

Андрей хотел было встать, но бабка на него шумнула.

- Лежи, лежи, не вставай! – когда Андрей затих, она добавила.

- Деньги взял Игнат Владимирович. Все дознавался, кто же это вас так? Мне с лекарем велел выходить тебя.

- Какой еще Игнат Владимирович? Где деньги? – всплиил

Андрей и почувствовал как силы опять покидают его.

- Ну вот нельзя же тебе кипятиться, непользительно. – Бабка подошла к больному и положила на голову мокрое полотенце.

Андрей смотрел прямо в потолок. Но потолок временами то куда-то уплывал, то снова возвращался на место. На миг Андрей увидел Феню: светловолосая, с припухшими губами, она доверчиво улыбалась и протягивала к нему свои полные загорелые руки. Андрей тряхнул головой, и видение исчезло. Внутри все горело, тяжело щемило сердце.

- Эх, Петро, Петро, - прошептал Андрей бескровными губами и вспомнил. В германскую в окопах Брындин слыл отчаянным и даже за это имел “Георгия”. После немецких атак Петр ночами лазил в ничейную. У него была уйма всяких зажигалок, портсигаров. На крышках портсигаров грациозно восседали всадники в латах. Один такой он даже подарил Андрею. Петр тогда ловко сбывал добычу и все копил деньги, копил и говорил: ”Хочу своего коня”. Уж очень ему хотелось иметь своего коня. Отец Петра всю жизнь баграчил и работал на чужих лошадях.

Андрея “заморозило”, на душе стало гадко. Он еще никак не мог смириться с тем, что случилось.

...Дед потрогал Максима: отошел, царствие тебе небесное. Перекрестился на церковь, потом не по годам расторопно повернулся и засеменял в сторожку. Оттуда Емельян вышел в сопровождении такого же дряхлого, как и он сам, сторожа церкви. Старики подошли к Максиму, взяли его, один за руки, другой за ноги и поспешно оттащили в густые заросли полыни.

- Никодим, к ночи снаряди бричку, а я тем временем сколочу гробы, - попросил сторожа дед Емельян, - отвезу-ка его хоронить домой. Как-никак христианин. А Домну

препоручу хоронить бабам.

- Емеля, да ты что, знаешь его? – удивленно спросил сторож.

- Вот то-то и оно, - откликнулся Емельян. – Платовский он, всего десять верст. Поди соседи.

- Чаво ж ты охфицеру стерпел?

Емельян тяжело посмотрел на Никодима. Тот, словно извиняясь, опустил голову и глухо сказал:

- Я бы тоже стерпел.

Ночь тихая, звездная. Терпко пахнет полынью. Бричка мягко катится по пыльной дороге. Дед Емельян погрузился в невеселые думы. Вдруг ему причудился стон. Дед натянул вожжи. Насторожился, стал прислушиваться. Но было тихо, только лошадь мотала головой и изредка пырскала.

- Фу ты, нечистая, - облегченно произнес старик. Он понукнул коня, и бричка снова стала мягко постукивать колесами.

- Пи-и-ть. – Деда с брички словно ветром сдуло. Конь остановился.

- Эх, ма! – Растерянно пробормотал старик, - да никак живой!

Он оставил бричку и припустил к озеру за водой. Вода солоноватая, горькая. Максим пьет торопливо, жадно. Глаза застилают то беспроектная тьма, то сполохи ярких молний. Затылок тяжело ноет. Шея совершенно онемела, и, когда Максим попытался было поднять голову, из этого ничего не получилось.

На заре дед Емельян привез Максима к родителям. Мать сутками не отходила от него. Были дни, когда она несколько раз хоронила и оплакивала сына.

Как-то глубокой ночью Андрей проснулся. Кто-то осторожно стучал в окно. Бабка Ефросинья проворно вскочила

и направилась в сени. Едва она открыла дверь, как простуженный мужской голос спросил:

- Ну как?

- Слава богу, кажется, пошел на поправку. Спит, - ответила бабка. Андрей понял: речь шла о нем.

- Лекарь бывает?

- Давненько был.

- Чем лечишь?

- Парю в кадке.

- Смотри до смерти не запарь, - съязвил мужчина

Бабка Ефросинья недовольно засопела. Андрей тут же припомнил десятиведерную бочку, из бочки валит пар, вонь бабкиных снадобий, от которых тошнит и еще сильнее кружится голова. И так много, много дней подряд... Звякнули чашки.

- Может погреешься?

- Нет, спасибо. Сейчас нельзя. Как-нибудь в другой раз. Мужчина замолчал, чиркнул кресалом зажигалки, а потом спросил:

- О деньгах молчит?

- Где уж там, с утра до ночи все пытается. Ох и тревожится.

- Ну, вот что, утром скажи ему, за деньги Громов велел кланяться. Запоздай он на сутки, винтовки уплыли бы. А теперь мы богаты, оружия купили у польских легионеров. Как поправится, дай мне знать. А сейчас вот возьми и сохрани.

Андрей услышал как что-то рыпнуло и легло на стол.

- Что это? - удивилась бабка.

- Как то есть что? Песни, Ефросинья Семеновна, песни, - и мужчина тихо засмеялся.

- Гармонь значит?

- Гармонь. Прослышал я, отпетовец - лихой гармонист. Вот штаб и решил отблагодарить его.

- А вы в этом самом штабе другого ничего не придумали?

– строго спросила бабка.

- Это как понять?

- А так, человек дух испускает, а они гармонь.

- Не сердись, Семеновна, вот увидишь, он будет рад. Пойми сама: старорежимные медали не в ходу, а своих пока нет. Вот мы и отмечаем геройских ребят: кого часами, кого сапогами, а отпетовца – вот гармошкой. На ней и пластинку наш оружейник привинтил. Там здорово написано. Вот слушай, - и мужчина неторопливо прочитал: “За ратный подвиг”

- Все честь по чести. А ты ворчишь. Бабка и мужчина враз тихо рассмеялись.

- Где мой Ваня?

- В Солоновку послал, к Мамонтову.

В это время раздался свист.

- Ну вот, мне и пора. Зовут. Сегодня надо еще в Поперечное успеть, кулака надо вздернуть, предателя, партизана выдал. А за сына, Семеновна, не тревожься. Как отпетовец поправится, обязательно дай знать. А теперь пока.

- С богом, Игнат Владимирович.

Андрей услышал, как скрипнула дверь, как за окном раздался глухой цокот копыт сорвавшихся в аллюр лошадей.

Короткий ночной разговор Громова с бабкой теплом наполнил душу Андрея. Он лежал в темноте с открытыми глазами и улыбался. Улыбался потому, что был безмерно счастлив в свои 23 года. Одолел болезнь, деньги у Громова, впереди жизнь и голубоглазая, нежная Феня.

Вскоре Андрей получил весточку и от Максима. Жив, дружище! Пишет, что уже ходит, вот только самодельная пуля от “бульдога” так и осталась в шее, доктора вытаскивать не берутся.

Возвращался Щерба в отряд исхудавшим, но веселым. Его сопровождали десять конных громовцев. На сером, в черных яблоках, коне он ехал впереди и лихо наяривал на тальянке:

“Сербия, Бельгия, жаль мне тебя, что пьяные немцы
побили тебя...”